Рис. 2. Пример статьи словаря для термина «технология»

Заключение

В заключение можно отметить, что подготовка учебных материалов сложный и трудоемкий процесс. Основные задачи подготовки связаны с правильным подбором учебного материала, определением точных иностранных эквивалентов русским терминам, а также логичной и оптимальной организацией материала.

Что касается проведения занятий, то подытоживая вышесказанное можно отметить, что обучение иностранных студентов в силу их мотивации и общей подготовки не представляет особых сложностей. Основные сложности возникали в начале обучения и были связаны с изменением учебных планов студентами.

Список литературы

1. Пумпянский А.Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. – Рипол Классик, 2013.

2. http://iie.tpu.ru/en/3_bachelor_ME.php.

3. Viégas F.B., Wattenberg M., Dave K. Studying cooperation and conflict between authors with history flow visualizations // Proceedings of the SIGCHI conference on Human factors in computing systems. – ACM, 2004. – С. 575-582.

4. http://en.wikipedia.org/wiki/Engineering_tolerance.

5. Ким А.Б., Грибова О.Н. Организация занятий по профессиональному английскому языку для студентов направления «Машиностроение» // Уровневая подготовка специалистов: международная концепция CDIO и Стандарт ООП ТПУ, Томск, ТПУ, 26-30 Марта 2013.

6. Altan T. et al. Advances and Challenges in Sheet Metal Forming Technology.

7. Burakowski T., Wierzchon T. Surface engineering of metals: principles, equipment, technologies. – CRC press, 2010.

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кругликова М.Е.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, e-mail: margokruglik@mail.ru

В работе исследуется языковой компонент современного японского национализма. Рассматриваются представления японцев о своем языке, а также фундаментальное для японской культуры противопоставление «свой – чужой», тесно связанные с дискурсом «нихондзинрон», составляющим часть национального сознания и массовой культуры японцев. Приводятся конкретные языковые примеры, обосновывающие утверждение о наличии лингвистического аспекта японского национализма. Исследование базируется на русскоязычных и англоязычных источниках.

Ключевые слова: национализм, «нихондзинрон», японский язык, уникальность, противопоставление «свой – чужой»

THE PECULIARITIES OF JAPANESE NATIONALISM: A LINGUISTIC ASPECT

Kruglikova M.E.

Tomsk Polytechnic University, Tomsk, e-mail: margokruglik@mail.ru

The article studiesthe language component of modern Japanese nationalism. It shows the Japanese people's understanding of itslanguage and the fundamental binary value «inside/outside», which are closely associated with the discourse of «nihonjinron» that is an integral part of the national consciousness and popular culture of the Japanese. It also provides specific linguistic examples, justifying the assertion of a linguistic aspect of Japanese nationalism. The study is based on the Russian-speaking and English-speaking sources.

Keywords: nationalism, «nihonjinron», Japanese language, uniqueness, binary value «inside/outside»

Существует множество теорий, обосновывающих связь языка с развитием национального сознания, национальной идентичности. В своей концепциинации как «вооб ражаемогосообщества»английский ученый Бенедикт Андерсон утверждал, что суще-

ствование общности часто «воображается» посредством использования языка, подчёркивая его роль в создании государственности. По его мнению, именно развитие печатной литературызначительным образом влияет на формирование национальной идентичности того или иного народа[1, С.103-104]. Немецкий ученый Вильгельм фон Гумбольдт обосновывал тезис о теснойвзаимосвязи языка с мышлением, мировоззрением и менталитетом народа; языковая культура, в которую входят использование языка, особенности воззрений на язык, языковые картины мира и пр. представляется первостепенным компонентом культуры каждого народа. Австрийский философ ЛюдвигВитгенштейнговорил, что«язык конструирует реальность», а американскиеученые Эдуард Сепир и БенджаминУорфутверждали, что мышление и способ познания реальности определяется структурой языка, таким образом, существует прямая зависимость между национальным языком и национальным сознанием [2, С.318].

Актуальность данного исследования заключается в том, чтов массовом сознании японцевпо-прежнему сильна националистическая идеология, будучи тесно связанная с культурой, с историческими традициями и ценностями народа. Цель работы заключается в том, чтобы рассмотреть проявление национализма в лингвистическом аспекте, то есть в японском языке. В ходе исследования применялись описательный и исторический методы, а также метод стилистического анализа и метод индукции.

Японский народотличает повышенное внимание к своему языку и к его культурным и социальным функциям (например, рассуждения про язык могут встречаться в рекламе, а в газетах могут посвящать передовые статьи обсуждению вопросов орфографии). Несмотря на большое число заимствований в японском языке, он считается одним из немногих исконных компонентов японской культуры, а особое внимание к языку тесно связано с утверждением его уникальности. Например, в случае, когда речь идет о японском языке как иностранном, применяется терминnihongo (日本語), а когда о родном языке –kokugo (国語). Таким образом, значение слова kokugooказывается субъективным («наш» язык), причем сами японские ученые отмечают, что в нем есть оттенок национализма и отношение к эпохе милитаризма [3].

Согласно Р.Э. Миллеру, именно в годы американской оккупации укрепились существующие представления японцев о своем языке как о национальном достоянии, не имеющем аналогов в мире и недоступном для понимания иностранцев,и вопросы языка приобрели особое значение.С усилением экономической мощи Японии языковой компонент японского национализма дополнился многими другими, но по-прежнему продолжает существовать, что отражается в публикациях по «нихондзинрон» (теория о своеобразии японского народа, о его гомогенности и неповторимости и пр.), в которых работы, касающиеся проблемы японской языковой картины мира, занимают особое место. Например, при том, что в японском языке есть два слова, означающие понятие демократии – японское minshushugi (民主主義) и заимствование demokurashii (デモクラシイ), неизменно подчеркивается их различие: minshushugi характеризует «хорошую» демократию с японской окраской, когда словом demokurashii обозначается «плохая» демократия, типичная для западного общества, основанная на индивидуализме и своеволии [3].

В рамках дискурса «нихондзинрон» рассматривается фундаментальное для японской культуры противопоставление «свой – чужой» (uchi – soto). Оно проявляется в японском обществе в различных формах – от человеческих взаимоотношений до языка [4, С.109]. Стоит отметить, что понятия «свой – чужой» достаточно относительны, так как каждый человек может быть «своим» в одной ситуации и «чужим» в другой, однако иностранец всегда будет являться «чужим», а любой соотечественник автоматически становится «своим». В языке этоможет проявляться в использовании определенных средств языка и в стратегиях общения со «своими» и с «чужими», что отражается в лексическом значении слов и даже в грамматике. В японском языке подобное отношение накладывается на варьирование речи в зависимости от ситуации – так, стандартное приветствие konnichiwa (今日は) употребляется лишь по отношению к «чужим», при этом, к примеру, английское слово Hello можно сказать даже незнакомому человеку [3].

В японском языке существует несколько вариантов слова «иностранец»: традиционное gaikokujin (外国人), термин, использующийся в официальной терминологии, в документах и массовой печати, а также ijin (異人), ikokujin (異国人), ihoujin (異邦人). Однако кроме этого существует более распространенный разговорный вариант, производное отgaikokujin–gaijin (外人) – «outsideperson», «человек извне», и именно этот термин имеет негативную и даже уничижительную, по мнению некоторых авторов, окраску [5, С.161]. Более того, для обозначения иностранцев именно европеоидной внешности (даже в том случае, когда цвет кожи не светлый) в Японии используется слово hakujin (白人) – «белый человек», «европеоид». Считается, что оно имеет больше националистический оттенок

и ассоциируется, по мнению ТакуСузуки, с образованным и преуспевающим, но в то же время хитрым и непорядочным человеком [6, С.81], а устаревшая форма 白人 даже имела значение «незарегистрированная женщина легкого поведения» [7]. Также в первоначальном плане Конституции, разработанном оккупационными властями, на английском языке содержалась фраза «allnaturalpersons…» («все физические лица»), которая была использована в разделе, посвященном гарантии основных прав для проживающих на территории Японии. Однако японскими властями данная фраза была переведена на японский как kokumin (国民) –«народ, нация» в применении только к японцам, таким образом, ограничивая обеспечениеКонституциейосновных прав японских национальных меньшинств [4, С.110].

Вместе с тем, распространена идея о том, что «понять Японию и японцев, их цивилизацию и культуру может только японец». В опросе, проведенном в 1980-х, множество респондентов осознанно утверждало, что «иностранцы, включая даже тех, кто родился в Японии, не способны думать и вести себя как японец».Таким образом, даже те, кто прожил в Японии на протяжении длительного времени или уже полностью ассимилировался (как в случае с корейским и китайским этносом), все равно расцениваются как 外, люди, не входящие в японское общество [4, С.102]. Делающего успехи в изучении японского языка иностранца могут неоднократно хвалить, однако он никогда не перейдет из области gaijin unihongов область nihonjinu kokugo [5, С.162]. А для тех японцев, кто эмигрировал в другие страны и обосновался там, в японском языке также существует отдельный термин – nikkeijin (日系人), а также отдельное обозначение для каждого из их поколений – issei (一世) – первое, nisei (二世) – второе, sansei (三世) – третье, yonsei (四世) – четвертое, gosei (五世) – пятое, которые используются как общепринятые термины [8]. По закону, уже четвертое поколение nikkeine может претендовать на какие-либо права в Японии, так как ничем не отличается от иностранцев – по мнению японцев, человек, не обладающий хоть одним из критериев – японской «кровью», культурой или языком, не может восприниматься как истинный японец [9].

Более того, Тсунода Таданобу в широко известной книге «Мозг японцев» экспериментально доказывал, что японский мозг совершеннее, чем у других национальностей, поэтому человек, обладающий «другим» мозгом, не способен понять, например, японскую музыку и по-настоящему выучить японский язык [10, С.5]. Поэтому для массового сознания японцев характерно мнение, что «японский язык очень труден для изучения». Трудности непременно должны возникать у европейцев и американцев, то есть у англоговорящих национальностей: например, во время американской оккупации было отмечено, что американцы и европейцы не желали осваивать японский язык, утверждали, что не могут им овладеть, и японцы легко с этим согласились; при этом существовавшие «трудности» начали только преувеличиваться [3].

Подчеркивание и преувеличение уникальности своего языка (как и культуры в целом) является одним из постоянных свойств японских представлений о мире. При этом подобное внимание к своему языку на иностранные языки не распространяется. Более того, в Японии вопрос межнационального общения не является приоритетным, а в общественном сознании уже давно распространилась идея о том, что японцам не нужно изучать иностранные языки. Согласно вышеупомянутому Тсуноде, японец может освоить чужие культуры и языки, но чем лучше их узнает, тем больше опасность потерять его «уникальное» строение мозга [10, С.5]. Таким образом, «нихондзинрон» как часть национального сознания, массовой культуры японцев, мешает распространению иностранного, в частности английского,языка [10, С.300]. Подтверждение этому мы можем наблюдать в современном образовательном процессе в Японии – японские ученики в обязательном порядке изучают английский язык не менее шести лет, однако по окончанию школы едва способны применять его на практике [12].

В рамках дискурса «свой – чужой» отчетливо прослеживается противопоставление России как культуры, диаметрально противоположной японской, как образа традиционного «чужого» Японии. Согласно А. Буху, амбивалентное положение России в западной мысли использовалось для того, чтобы обосновать«нормальность» и «цивилизованность» Японии (в частности, «авторитарный» строй СССР позволил японским теоретикам, сравнивавшим имперскую Японию с СССР, доказать, что Япония порвала со своим прошлым и теперь является «свободной» и «демократической» страной).Такие качества, как варварство, дикость, шовинизм, которые на Западе считались изначально присущими как России, так и Японии, стали теперь восприниматься исключительно как особенности русского народа. Более того, всячески обосновывалась отсталость России не только в культурном, политическом, экономическом плане, но

даже и в вопросах военной мощи: невысокие военные качества России выражались в качественной слабости армии, в плохом управлении и вооружении [13, С. 21, 27]. Может быть, именно поэтому в одном из вариантов записи слова «Россия» на японском языке – 魯西亜 (roshia) или 魯国 (rokoku) – иероглиф ro, использовавшийся в слове, означает «глупый, бестолковый».

Таким образом, среди прочих различных проявлений мы можем видеть достаточно хорошо выраженную языковую составляющую японского национализма. Она может проявляться как в лексическом значении, так и посредством разных средств языка. При этом необходимо понимать, что современный национализм в Японии представляет собой разновидность «мягкого» национализма, существующем сугубо в сознании японцев, и отождествление его с политикой агрессивного национализма будет нелогично и неверно.

Научные руководители: Гурьева Ирина Юрьевна, старший преподаватель кафедры истории регионоведения Института социально-гуманитарных технологий; Шабаева Мария Владиславовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Института международного образования и языковой коммуникации.

Список литературы

1. Iwamoto, Noriko. The Role of Language in Advancing Nationalism // Bulletin of the Institute of Humanities. – 2005. – Vol. 38. – pp. 91-113.

2. Жерновая О.Р., Смирнова О.А. Проблема лингвистического национализма в государствах-членах ЕС (на примере Великобритании и Франции) // Вестник Нижегородскогоуниверситетаим.Н.И. Лобачевского. –2012. –№3(1). – С. 318–322.

3. Алпатов В.М. Япония: язык и культура [Электронный ресурс] // URL: http://www.e-reading.link/chapter.php/136744/18/Alpatov_-_Yaponiya__yazyk_i_kul›tura.html (дата обращения: 10.04.2015).

4. Murphy-Shigematsu, Stephen and Befu, Harumi and Soo im Lee. Japan›s Diversity Dilemmas: Ethnicity, Citizenship, and Education. iUniverse, 2006. 280 p.

5. Buckley, Sandra. The Encyclopedia of Contemporary Japanese Culture.Taylor&Francis, 2009. 634 p.

6. Suzuki, Taku. Embodying Belonging: Racializing Okinawan Diaspora in Bolivia and Japan.University of Hawaii Press, 2010. 255 p.

7. Японско-русский словарь Jardic [Электронный ресурс] // URL: http://www.jardic.ru/(дата обращения: 17.04.2015).

8. Ikezoe-Halevi, Jean. Day of Remembrance 2006. DiscoverNikkeiCommunity [Электронный ресурс] // URL: http://www.discovernikkei.org/en/journal/2006/10/31/voices-of-chicago/ (дата обращения: 17.04.2015)

9. Sugiyama, Yuki. What does it mean to be Japanese? Thecasesofnikkeijin [Электронный ресурс] // URL: http://japansociology.com/2012/01/18/what-does-it-mean-to-be-japanese-the-cases-of-nikkeijin/ (дата обращения: 17.04.2015).

10. Buckle, Chase. Critically discuss the underlying premises, methods and ideologies of Nihonjinron theories (discourses of national and cultural identity), giving representative examples of Nihonjinronworks // IDEATE: the undergraduate journal of sociology. – 2013. – Vol. 9. – pp. 1-10.

11. Kubota, Ryuko. Ideologies of English in Japan // World Englishes. – 1998. – Vol. 17, №3. – pp. 295-306.

12. Seeroi, K. Why are Japanese so bad at English? [Электронный ресурс] // URL: http://www.japantoday.com/category/opinions/view/why-are-japanese-so-bad-at-english(дата обращения: 10.04.2015).

13. Бух А. Япония. Национальная идентичность и внешняя политика. Россия как другое Японии. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 320 с.

УДК 81.276.6

МЕТАФОРИЧЕСКИ МОТИВИРОВАННЫЕ ТЕРМИНЫ МАШИНОСТРОЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ)

Лелюх Ю.В.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, e-mail: ylko-rx8@mail.ru

В статье анализируются метафорически мотивированные термины машиностроения как фрагмент научной картины мира. Актуальность исследования способов формирования терминосистем, типов мотивированности терминовопределяется их значимостью в процессах межкультурной коммуникации в производственной сфере в условиях глобализации. На основе применения методов семантического анализа и лингвокогнитивного моделирования, выявляются метафорически мотивированные термины машиностроения китайского языка, определяются основания метафорического уподобления, описываются метафорические модели.

Ключевые слова: метафора, мотивированность, термины машиностроения, китайская терминология, метафорический перенос, основание метафорического уподобления

METAPHORICAL MOTIVATED MECHANICAL ENGINEERING TERMS (ARE BASED ON CHINESE TERMINOLOGICAL)

Lelyukh Y.V.

Tomsk Polytechnic University, Tomsk, e-mail: ylko-rx8@mail.ru

In this article metaphorical motivated mechanical engineering terms analyze as a part of the scientific picture of the world. The relevance of research methods for the formation of terminological systems, types of motivation terms are determined by their importance in the processes of intercultural communication in the industrial sphere in the context of globalization.metaphorical motivated mechanical engineering terms of Chinese language are revealed on the basis of application of methods of semantic analysis and cognitive model; identifies the reasons metaphorical assimilation, describes a metaphorical model.

Keywords: metaphor, motivation, terms mechanical engineering, Chinese terminology, metaphorical transfer, the metaphorical assimilation